

...Они коснулись края этого «подземного мира».

Навигационная карта меха «Пекин» демонстрировала пустой экран. Маршрут, которым они сейчас следовали, не был нанесён на карту — эту «кротовую нору» проложили бесчисленные группы контрабандистов, снующие взад-вперёд по Восьмой галактике, а это значило, что ни о каких гарантиях безопасности здесь и речи не шло.

«Пекином» назывался маленький мех Линь Цзинхэна.

Строго говоря, обычно лишь тяжёлые мехи, вроде Чжаньлу, устаивались собственного имени и порядкового номера; в то же время как таким мелким моделям, претендующим в лучшем случае на роль букашки в безбрежных просторах космоса, да к тому же не наделённым искусственным интеллектом, само собой, давать имя не было нужды, однако на этом настоял Лу Бисин — он будто хотел с помощью последнего, что он прихватил с Пекина-β, увековечить память о планете, куда они никогда больше не смогут вернуться.

Встав на колени в уголке тренировочного зала, Хуан Цзиншу открыла в переборке окошко размером с ладонь и выглянула наружу. Там царил всё тот же непроглядный мрак, ни зги не видно: ни лучика света, ни других судов, ни хоть какой-то планетки — поскольку для подобного межзвёздного путешествия гравитация может стать фатальной, маршрут проходил вдали от крупных небесных тел.

Лишь время от времени мех влетал во что-то вроде облака космической пыли — мелкие частицы дрейфовали в воздухе, образуя завихрения, которые отражали свет далёких звёзд; на расстоянии они казались тонкой, будто крыло цикады, тюлевой завесой, источающей слабое сияние.

Они следовали по этому «подпольному маршруту» уже около месяца, и на его протяжении совершили несколько штатных скачков. Мало-помалу Хуан Цзиншу свыклась с ощущением, что все её внутренние органы [1] едва не выдавливают наружу.

[1] Внутренние органы — в оригинале 五臟 (wǔzàng) — в букв. пер. с кит. «пять нечистых» или «пять внутренних органов»: сердце, печень, селезёнка, лёгкие и почки.

Не считая этого, окружающее мех пространство оставалось неизменным — в нём не было ничего будоражащего или угрожающего — и это порождало смутное чувство, что такого рода беспредельное одиночество — нечто нормальное.

Грандиозная война Лиги с космическими пиратами, безумный принц Кэли, бесследно сгинувшая в огне Родина... сейчас всё это казалось не более чем причудливым сновидением.

Эти отсталые студенты с отсталой планеты, которые благодаря своему специфическому жизненному опыту так и не развились особыми способностями, по-прежнему оставались ни на что не годной обузой.

В тренировочном зале имелся симулятор меха, оснащённый имитацией миниатюрной духовной сети. Хотя они тренировались в течение месяца как черти, до сих пор ни один из них так и не сумел успешно к ней подключиться.

Уайт был редкостным задохликом — как в отношении физических возможностей, так и способности переносить невесомость он уступал всем своим однокурсникам. На настоящее время он отрубался уже на моменте подключения к симулятору меха.

Такой дуболом, как Бойцовый Петух, напротив, обладал прекрасными физическими данными и отменным аппетитом, однако уровень его интеллекта оставлял желать лучшего. Изначально будучи полуграмотным, он испытывал острый недостаток минимального уровня образования. Не говоря уже об освоении высоких технологий, стоило немало труда заставить его проштудировать инструкцию к применению мелкой бытовой техники — и это ещё без учёта его проблем с дефицитом внимания, склонности к агрессии и прочих отклонений в поведении.

Хоть у вышеупомянутой парочки и были проблемы, они всё же со временем поддавались разрешению, а вот ситуация с Мятой была куда сложнее.

Она в определённой степени страдала боязнью темноты. В прошлом ей никогда не приходилось оставаться одной по ночам — будь то в сиротском приюте или в женском общежитии — а потому эта фобия прежде не давала о себе знать. Но при подсоединении к духовной сети чувства человека сливаются с сенсорами меха; обычно люди уделяют всё своё внимание внешней среде, если только не ставят перед собой задачу отслеживать сердцебиение и дыхание, а потому человека, подключённого к духовной сети, захлёстывает чудовищная волна информации, поглощаемой мехом из внешней среды — и тут-то беспросветная тьма космоса наваливалась на Мяту неподъёмным грузом. Не проходило и пяти секунд соединения с духовной сетью, как она принималась истошно кричать и плакать навзрыд, всё её тело обливалось холодным потом, а пульс и частота дыхания сбивались до такой степени, что дело едва не доходило до медикаментозного вмешательства.

Что же до самой Хуан Цзиншу, то, что и говорить, пневмоцефалия неспроста зовётся «болезнью пустого мозга» — до сих пор уровень её сродства с духовной сетью не достигал и 30%, и никто не мог объяснить, почему.

Раздался слабый щелчок надавливания на металлическое ушко — кто-то сбоку от неё открыл банку пива, по воздуху тут же разлился характерный аромат.

— Главный Лу? — обернулась Хуан Цзиншу.

Лу Бисин вытащил бумажный стаканчик, налил до половины и отдал ей:

— Это из старых запасов Линя — наверно, кто-то из его подчинённых оставил тут, не зная, что он не такое не пьёт. Думаю, что его срок годности на исходе.

— Никто его не пьёт, срок годности почти вышел, — бесцветным голосом произнесла Хуан Цзиншу, — а вы по-прежнему жмётесь — нет чтобы дать мне целую банку?

— Тебе и половины вполне достаточно, деточка — не хватало ещё, чтобы я избаловал вас всех.
— Протянув руку к стаканчику, Лу Бисин спросил: — Ты будешь пить или нет? Если нет, так отдай мне.

Хуан Цзиншу тут же отдёрнула руку.

Подождав, пока она почти допила, Лу Бисин вновь нарушил молчание:

— В твоей вчерашней домашней работе слишком много ошибок, она явно выполнена спустя рукава, а в эссе обнаружены следы плагиата. Прежде такого не бывало. Так в чём дело?

— Откуда вы узнали, что я списывала? — удивилась Хуан Цзиншу.

— Неужто ты думаешь, что я бы дал студентам книги для дополнительного чтения, которые прежде хотя бы не пробежал глазами? Такие невежды, как вы, ребята, уж точно не стали бы читать что-либо сверх списка по доброй воле. — Лу Бисин прислонился к стене тренировочного зала, приняв расслабленную позу, но даже при этом умудрялся выглядеть собранным. — Так что я знаю, с какой книги и с какого именно абзаца ты это списала — что тут удивительного?

Ничуть не пристыжённая этим [2] Хуан Цзиншу покаянно склонила голову:

— А, ну так вычтите у меня баллы.

[2] Ничуть не пристыженная этим — в оригинале идиома 死猪不怕开水烫 (sǐzhū bùpà kāishuǐ tàng) — в пер. с кит. «мёртвая свинья ошпариться не боится», обр. в знач. «быть безразличным к чему-либо», «снявши голову по волосам не плачут», а также «наглый, бесстыжий».

Однако Лу Бисин не сводил с неё взгляда, с неизменным терпением ожидая продолжения.

Одним глотком допив оставшееся пиво, девушка вытерла губы, напустив на себя вид прожжённой хулиганки:

— Главный Лу, некоторых вещей упорным трудом не добиться. Люди изначально не равны друг другу — кто-то рождается без ног или без рук, кому-то отроду не суждено ничего добиться, и им только и остаётся, что выбыть из гонки. Я... да что там, все мы такие. Мы вышли с завода отбракованной продукцией. Уж простите, главный Лу, но научить нас управлению мехами ещё

сложнее, чем хомячков — прыгать сквозь горящее кольцо.

— В прыжках хомячков сквозь горящее кольцо нет никакой эстетической ценности, — уклончиво ответил Лу Бисин.

— Но ведь после начала этой войны людям, которые не умеют управлять мехами, непросто будет выжить в космосе, так ведь? Мы не в силах предвидеть, что случится в дальнейшем, а потому не можем позволить себе всю жизнь быть отбросами, во всём зависящими от других, — спокойно рассудила Хуан Цзиншу. — Управление мехами требует немалой крепости как тела, так и психики. Оператор должен обладать развитым интеллектом, генетические дефекты для него немыслимы. Вам не кажется, что это своего рода естественный отбор, направленный на то, чтобы выбраковать ущербных и сохранить лишь полноценных?

— Гм. — Лу Бисин в лёгком удивлении приподнял брови. — Если можно так выразиться, твой учитель несколько удивлён слышать от тебя подобное.

— «Дело не в том, что вы недостаточно одарены от природы, а в том, что вкладываете недостаточно усилий — вам следует уделить больше внимания методикам обучения» — это вы хотели сказать? — презрительно скривила губы Хуан Цзиншу. — Главный Лу, вы, учителя, никогда не изменитесь — так и твердите одни и те же фразы, что и сотни тысяч лет назад?

— Нет, я лишь хотел сказать, что всегда думал, что лишь склонные к интроверсии молодые люди предаются размышлениям о смысле жизни человека и его роли в обществе. Не ожидал, что таким представителям юношества, чьим хобби являются бои пивными бутылками, также это свойственно. Выходит, что подобный духовный поиск является общим инстинктом для всех представителей человечества, входящих в пубертатный возраст. Но кто бы мог подумать, что ты окажешься поклонницей такого безыскусного и безнадёжно устаревшего учения, как «социальный дарвинизм» с его концепцией «выживания сильнейших»?

Хоть Хуан Цзиншу мало что поняла из слов ректора, у неё возникло смутное чувство, что речь идёт о чём-то не слишком хорошем.

— Эволюция человеческого общества в частности и видовая эволюция в целом — необычайно долгий и сложный процесс. Когда ты пытаешься судить о нём, опираясь на свой жизненный опыт немногим более десятка лет, то это всё равно что рассматривать леопарда через трубку, видя лишь одно пятно на его шкуре [3], — размеренно произнёс Лу Бисин. — В первый день вашего обучения я говорил, что мир меняется слишком быстро и, быть может, десяток лет спустя всё перевернётся до неузнаваемости — можешь ли ты в точности предугадать, какими будут следующие десять лет? А ведь тебе предстоит прожить их не одну сотню. При том, что ты ничего не можешь сказать с определённой даже о ближайших годах, как ты можешь судить о том, кто ущербный, а кто — полноценный?

[3] Рассматривать леопарда через трубку, [видя лишь одно пятно на его шкуре] 管中窥豹 (guǎn zhōng kuī bào) — чэньюй, обр. в знач. «узкий взгляд, ограниченный кругозор», «судить по аналогии, обладая недостаточным материалом».

Хуан Цзиншу в одночасье утратила дар речи.

— Деточка, — неторопливо отхлебнув пива, продолжил Лу Бисин, — насколько мне известно, до сих пор не существует доказательств того, что пневмоцефалия делает ощущение духовной сети невозможным. Даже если у тебя недостаёт способностей, ты можешь сперва как следует разобраться в себе и в мехе, чтобы выбрать другое направление развития, вместо того, чтобы, едва начав отставать от других, тут же удариться в трусливое бегство. Можешь при случае расспросить командира Линя — даже в гарнизоне Серебряного форта далеко не все обладают таким же уровнем духовной силы, как он.

Едва отзвучали его слова, как по радиосвязи тут же раздался ответ:

— Разумеется, нет. За исключением бойцов передового фронта, Серебряный форт не предъявляет жёстких требований к духовной силе солдат.

Лу Бисин от неожиданности едва не подавился пивом: «Разве ты сам не говорил, что в этой “кротовой норе” опасности подстерегают со всех сторон? И при этом ты настолько легкомысленно относишься к своим обязанностям пилота, что находишь время подслушивать, как я поучаю эту девчонку?»

На какое-то мгновение у него возникло чувство, что туманно-серые глаза Линя глядят отовсюду, беспрестанно наблюдая за ним, а в пиво, в которое он только что пил, будто натолкали несколько цзиней [4] куриных перьев, такой зуд начался в его внезапно пересохшей глотке. С силой прочистив горло и переменив позу, он спросил:

— Ты же говорил, что мы подходим к станции снабжения этого подпольного маршрута?

— Согласно твоей карте, осталось день-два, — ответил Линь Цзинхэн.

[4] Цзинь 斤 (jīn) — мера веса, полкилограмма.

«А ведь герметичность тренировочного зала... и впрямь выше всяких похвал! — подумалось Лу Бисину. — Когда вход задраен, здесь раздаётся лёгкое эхо, так что радио звучит так, словно тебе нашёптывают прямо на ухо».

Еле заметно вздрогнув, он толчком распахнул дверь и вышел из тренировочного зала.

Стоя на лестничной площадке, он мог видеть весь нижний этаж меха, который сейчас покрывала гигантская трёхмерная схема маршрута.

В отличие от наземной трассы, межзвёздный маршрут не мог пребывать в покое: карта постоянно вращалась и видоизменялась, от густой сети координат рябило в глазах, так что при одном взгляде на столь сложную схему Бойцовый петух разрыдался бы в голос.

Линь Цзинхэн стоял посреди этой карты, и вращающиеся огоньки то и дело проползали по его одежде, порой озаряя лицо — при взгляде издали казалось, будто это сон или мираж. Лу Бисин обнаружил, что этот человек одет по-домашнему небрежно — но даже небрежность выдавала в нём солдатскую аккуратность и выправку, что лишь подчёркивало необычайную противоречивость его характера. Радужка его глаз отливала серым, а волосы также больше не казались чёрными: если приглядеться к ним как следует, можно было заметить, что они на оттенок светлее. Каждую черту его лица можно было долго смаковать по отдельности; но, сочетаясь вместе, они по какой-то необъяснимой причине отталкивали людей, так что те не осмеливались взглянуть ему в лицо, сохраняя в памяти лишь холодность его выражения.

Лу Бисин знал его пять с лишним лет — но впервые обнаружил, что так и не разглядел его как следует.

— Командир, — Лу Бисин оперся на перила, умело приняв дерзкую и раскованную позу, — Когда ты служил в Серебряном форте, сколько любовных писем ты получал ежегодно?

Линь Цзинхэн на миг замер, будто оторопел от изумления.

За него поспешил ответить Чжаньлу:

— В почтовом ящике командира всегда действовала функция фильтрации, отсеивающая послания из неизвестных источников. Тем не менее, на общий почтовый ящик Серебряного форта ежедневно приходило бесчисленное множество адресованных вам писем, в особенности после того, как вы публично отвергли мисс Евгению.

— А почему я об этом не знал? — тут же отреагировал Линь Цзинхэн.

— Поскольку никакой важной информации они не содержали, начальник охраны и секретарь разбирались с ними за вас, — методично поведал Чжаньлу тоном ведущего новостей [5]. — Согласно статистике, около половины корреспондентов обрушивались на вас с порицаниями за то, что вы оскорбили чувства богини, а другая половина страстно уверяла, что, невзирая на то, что вы — садистски настроенный импотент, или же асексуал-извращенец, они всё столь же горячо любят ваше прекрасное лицо.

[5] Ведущий новостей — в оригинале 新闻联播 (Xīnwén liánbō) — «Синьвэнь Ляньбо» — ежедневная новостная программа Центрального телевидения Китая.

У Линь Цзинхэна не нашлось слов.

— Некоторые из них были весьма невежливы, — рассудительно заметил Чжаньлу, — однако статистические данные показывают, что, имея дело с крупными общественными деятелями, люди нередко демонстрируют грубость и невоспитанность в письменных заявлениях, это вовсе не свидетельствует о падении общественных нравов.

— А ну смирно, молчать! — не выдержал Линь Цзинхэн.

Искусственный интеллект беспрекословно выполнил команду, застыв немым изваянием.

Поддавшись внезапному импульсу, Лу Бисин произнёс:

— Зачем же так свирепствовать? Разве это плохо, когда тебе говорят, что ты красивый?

На сей раз Линь Цзинхэн не выглядел столь сердитым и непреклонным — лишь отмахнулся от него, прикрикнув:

— Что за чушь! Тебе что, заняться нечем? Чем болтаться без дела, лучше ступай-ка проверь запасы оружия и амуниции.

Лу Бисин облизнул пересохшие губы, сплющил банку из-под пива и, закинув её в процессор отходов, послушно удалился. Его не оставляло чувство, что его последние слова в адрес Линь Цзинхэна прозвучали как неприкрытый флирт.

«Итак, он не разозлился», — тайком сделал мысленную пометку исполненный исследовательского духа Лу Бисин, будто только что завершил небольшое, но полное опасностей приключение, и, мысленно подпрыгивая от беспричинной радости, бросился выполнять задание.

Полчаса спустя мех «Пекин» внезапно поймал сигнал; кто-то находился поблизости, а значит, они коснулись края этого «подземного мира»!

<http://bllate.org/book/17449/1631084>